

ВОТ БЫ В ПАРИЖ

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Вот бы в Париж

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Вот бы в Париж / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Пятеро друзей — Алиса, Соня, Лёха, Егор и Макс — листают в дождливый питерский полдень старые журналы мод. Пятидесятые, шестидесятые, шляпки, клетка, нью-лук. Разговор идёт сам собой, и заканчивается полушутливым: «Вот бы в Париж». А в квартире живёт кот. Кот непростой, в тельняшке, и числится на полставки — где именно, он не рассказывает. Один поворот старого будильника — и пятеро друзей оказываются на мокром парижском тротуаре. Не в том Париже, который с открыток, а в том, который настоящий. Здесь пахнет тканями и паром, здесь по улицам ходят женщины в перчатках, а в одной маленькой студии спиной к двери стоит молодой человек, который ещё никто. Пока никто. Он ещё не знает, что его ждёт. Он просто смотрит на них и говорит: стойте так. Это история про моду, которая начинается не с платья, а с выбора. Про спину, которую можно держать прямо. Про дружбу, которая ничего не требует словами. И про то, что иногда, чтобы понять что-то важное, надо уехать далеко — и вернуться домой к чаю.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Раз — и ты там	5
Глава 2. Париж, но не тот	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вот бы в Париж

Глава 1. Раз — и ты там

Дело было в субботу, а в субботу, как известно, полагается решительно ничего не делать, и Алиса с Соней именно этим и занимались, хотя со стороны могло показаться, что они заняты делом очень даже серьёзным. Они листали журналы. Не какие-нибудь там сканы из интернета и не распечатки на офисной бумаге, а самые настоящие, старые, шуршащие, с пожелтевшими краями и бурыми подтёками от чая на обложках, куда бурый подтёк попал ещё в те времена, когда никто и не думал, что этот журнал когда-нибудь переживёт своих читателей. Соня притащила их от бабушки, бабушка вынесла их из кладовки в большой картонной коробке, сказала: на, разбирайся, только не порви, и пошла ставить чайник. И вот теперь коробка стояла в углу пустая, а журналы были разложены на диване, и девчонки лежали на этом диване с двух сторон от журналов, и вокруг было тепло и тихо, как бывает только в старых питерских квартирах в дождливый сентябрьский полдень.

Алиса перевернула страницу и сказала удовлетворённо: вот. Вот это я понимаю.

Соня лениво приподнялась на локте и посмотрела на разворот. На фотографии стояла женщина с сумочкой, держала её обеими руками, чуть ниже талии, и смотрела куда-то вбок, за кадр, с таким видом, будто точно знает что-то важное, чего остальным знать не обязательно. Талия у неё была узкая, юбка широкая, шляпка маленькая, кругленькая, как таблетка из бабушкиной аптечки, и на всей фотографии было ровно три цвета: розовый, серый и цвет сливок. Больше не было ничего, и больше ничего не требовалось.

Какая-то тётенька, сказала Соня, откидываясь обратно на подушку.

Это, Соня, не какая-то тётенька, с достоинством сказала Алиса. Это нью-лук. Это Диор, пятьдесят седьмой год. Юбка вот такая, посмотри, талия вот такая, шляпка вот такая, и всё продумано до последнего шва. Не потому что сложно, а потому что просто. Понимаешь? Просто — это когда всё на месте. Вот здесь всё на месте.

Она перевернула страницу. Соня, не поворачивая головы, перевернула свою.

А у меня, сказала она, шестьдесят шестой. И вот тут всё совершенно другое. Иди сюда, смотри.

Алиса пересела к ней. На странице стояла девушка в коротком платье в клетку, с высоким воротником и с чуть отведёнными руками, будто она сейчас начнёт танцевать или просто сейчас куда-нибудь уйдёт и там будет хорошо. Волосы у неё были прямые, чёлка ровная, глаза подведены двумя тонкими стрелками, и вся она была какая-то очень ясная и очень лёгкая, как будто нарисована одним движением карандаша.

Это Твигги, сказала Соня. Примерно Твигги, чуть раньше. Это шестьдесят шестой. Это мини. Это клетка. Это весёлое.

Это несерьёзное, сказала Алиса.

Это лёгкое, сказала Соня.

Это несерьёзное, повторила Алиса. А то — нежное. Понимаешь? Оно нежное.

А по-моему, нежное — это как раз про пятидесятые, задумчиво сказала Соня. Это открытое такое. Все стоят и позируют. А в шестидесятые идут. В шестидесятые видно, что у человека ноги, и что человек торопится, и что вообще всё живое.

Они посмотрели друг на друга. Потом обе посмотрели в журналы. Потом Алиса сказала: Вот бы в Париж.

И Соня сразу, без паузы, ответила:

Вот бы в Париж.

И обе замолчали, потому что и правда. В Париже ведь это всё и родилось. Не было бы Парижа — не было бы ни нью-лука, ни клетки, ни этой девушки в коротком платье, ни той женщины с сумочкой. Только в Париже на подиум выходят так, что это не показ, а событие, и только в Париже по улице идёт женщина в шляпке, и все понимают, что это не женщина, это мода, и никто не смеётся, потому что в Париже над этим не смеются, а наоборот.

Мы опоздали, сказала Алиса. На шестьдесят лет.

На пятьдесят, сказала Соня. Если по пятидесятым.

На пятьдесят, согласилась Алиса. Это даже хуже.

Они сидели на диване и молчали. Журналы шуршали, когда от них отходили тени. За окном моросил питерский дождь, ровный, спокойный, никуда не спешащий, как будто он тоже никуда не опаздывал.

Из кухни пришёл Лёха. Он был в носках, потому что у них в квартире было правило: обувь оставлять в прихожей, и Лёха этому правилу подчинялся с той покорностью, с какой подчиняются только очень старым и очень неудобным вещам. Носки у него были разные. Один серый, другой с надписью FOOTBALL, и это никак не помогало ему выглядеть солидно. В руке он держал кружку, в кружке был чай, в чае — ложка, и он при этом задумчиво смотрел куда-то в район головы Алисы, не различая её, как это бывает с человеком, который в данный момент размышляет о чём-то своём и не хочет, чтобы его вытаскивали.

Чего сидите? — спросил он.

Страдаем, сказала Алиса.

Это хорошо, сказал Лёха, усаживаясь в кресло. Я это люблю. Вы, когда страдаете, становитесь смешные. И никак не могу привыкнуть.

Чего страдаете-то?

Хотим в Париж, сказала Соня.

В Париж — это можно, сказал Лёха.

На показ моды.

Это тоже можно.

В пятидесятые.

Лёха поставил кружку на подлокотник, потом подумал и переставил её на пол, чтобы не оставить следа, потом посмотрел на девочку.

И это, сказал он, тоже можно. Только скажи.

Алиса посмотрела на него. Вот как он это сказал. Сидит в разных носках, с чаем, с видом человека, у которого впереди только вечер и печенье, и говорит — только скажи. И при этом выглядит совершенно серьёзно. У Лёхи вообще была такая особенность: он всегда выглядел предельно серьёзно, когда говорил вещи, за которые ему потом хотелось извиниться.

Лёх.

Ага.

Париж — это другой город. Это другой континент. Это другой век.

Ага.

И ты сейчас говоришь мне — только скажи.

Ага.

Лёха.

Алиса.

Он отставил кружку в сторону, на пол, на газету, чтобы не осталось круга, как будто это было важно, и сказал:

Ну я не сам. Я знаю, как не сам. Это как разговор. Есть человек, который знает. У него такое правило: один звонок — одно желание. Только у тебя под рукой должно быть всё, что нужно. Ты сейчас в доме. У тебя есть где взять и пятьдесят седьмой, и шестьдесят шестой, и шляпку, и юбку, и лак, и туфли. Ты хочешь в Париж — у тебя есть Париж. У тебя всё есть. Ты просто не призвала.

Алиса смотрела на него. Соня смотрела на него. Потом Соня сказала:

Лёх.

Ага.

Ты сейчас всё это придумал?

Нет.

А откуда ты это знаешь?

Кот сказал.

Вот тут-то и надо рассказать про кота.

Кот сидел на подоконнике. Кот был старый. Кот был в тельняшке. И кот не был обычным котом, но об этом в квартире старались не думать, потому что думать об этом было неудобно, а не думать — вполне можно, и все давно к этому привыкли. Звали его Кот-мореход. Он числился на полставки. Полставки эти были у него от чего-то очень давнего, чего уже никто, кроме него самого, не помнил, а сам он об этом не распространялся, потому что считал, что личные дела личными и есть.

Кот обернулся. Он посмотрел на Лёху плохо. Потом посмотрел на девочку. Потом перевёл взгляд на журналы, задержался на них чуть дольше, чем следовало, и сказал — не вслух,

а как будто в самой комнате, так, что слышно было всем, но никто потом не смог бы сказать, что слышал:

Я, кажется, закрыт. У меня тоже дела.

И отвернулся к стеклу. Там внизу, во дворе, ходил человек с собакой. Собака ложилась, человек её поднимал. Собака ложилась, человек её поднимал. Так они и жили. Кот смотрел на это с большим сочувствием.

Лёха, сказала Алиса. Скажи нормально.

Нормально: закройте журналы.

Они закрыли журналы.

Теперь снимите с полки всё, что может понадобиться. Не берите то, что считаете нужным. Возьмите то, что на всякий случай. Шляпку. Юбку. Лак. Туфли. Расчёску. Помаду. Всё.

Куда снимать?

К дивану. Сюда.

Мы уже дома.

Вот и хорошо.

Он встал. Он подошёл к окну. Он вытянул руку и очень спокойно, как человек, достающий из-за шкафа давно забытую книгу, повернул на подоконнике старый будильник, который в этой квартире не заводили никогда. Будильник стоял там годами, на нём лежала пыль, и в этой пыли кто-то давным-давно прочертил пальцем круг. Лёха стёр пыль рукавом. И поставил на шесть.

Только не шесть утра, сказала Алиса. Я не встану.

Это не утро, сказал Лёха. Это показ.

А когда показ?

Когда надо.

И повернул звонок.

За секунду до того, как зазвенело, Алиса успела подумать: ну, Лёха. И эта мысль уместилась в полвдоха. Потому что потом был звон.

А в Париже в это время шёл дождь. Небольшой, ровный, такой, какой идёт в Париже именно тогда, когда там происходит что-то важное. Капли падали на каменный тротуар и не разбивались, а лежали. На улице пахло мокрым камнем, кофе и совсем немного — духами.

Пятеро стояли на тротуаре в чужом городе. Алиса, Соня, Лёха, Егор и Макс. И кот. Кот был в сумке. Кот выглянул из-за края сумки на этот Париж, посмотрел на него внимательно и недоверчиво, как смотрят на чужие берега, и сказал очень тихо, себе под нос, так, чтобы никто не слышал и все всё-таки поняли:

Котам здесь нельзя.

И полез обратно.

Глава 2. Париж, но не тот

Первое, что Алиса поняла, было то, что от журналов её отделяет очень много воды. Целый океан, если честно. И ещё век. И ещё что-то, чему она пока не могла придумать названия, потому что стояла на мокром тротуаре, смотрела на незнакомый дом и чувствовала, что всё, что было до этой минуты, стало вдруг очень далёким, как бывает с воспоминанием, которое ещё вчера было тёплым, а сегодня уже просто старым.

Тротуар был настоящий. Каменный, с трещинами, с проступившей от дождя тёмной полосой вдоль бордюра, с окурком, с голубиным следом, с каким-то мелким сором, который ветер принёс неизвестно откуда. Алиса опустила глаза и очень внимательно на всё это посмотрела, потому что ей вдруг стало важно, что Париж — настоящий, а не тот, который она видела в кино. И оказалось, что он настоящий. Оказалось, что под ногами у Парижа — точно такой же камень, как под ногами у Питера, только другой, и в этом «точно такой же, только другой» было что-то такое, от чего внутри становилось тепло.

Пахло кофе. Пахло мокрым камнем. И совсем чуть-чуть пахло дымом, будто кто-то здесь только что тушил сигарету.

Дом напротив был высокий, кремовый, с балконами — узкими, коваными, чёрными, как кружево. Из одного балкона свешивалось бельё. Настоящее, мокрое, оно висело уже давно, потому что кто-то вывесил его утром и ушёл на работу и не вернётся до вечера, и бельё так и будет висеть, и никому не придёт в голову его убирать. На нижнем этаже ютилась маленькая лавочка. Вывеска над дверью была рукописная, и жестяной козырёк над входом блестел от дождя, как будто кто-то очень аккуратно его протёр.

Это был не Париж с открыток. Это был Париж живой. И Алиса влюбилась в него сразу, с первого окурка.

Мы тут, сказала Соня.

Она сказала это очень тихо. Так, как говорят в церкви или когда в комнату только что вошёл кто-то очень большой и очень важный.

Мы тут, согласилась Алиса.

Это правда Париж.

Это правда Париж.

Они стояли в своих куртках и джинсах, в своих кроссовках, и в этих кроссовках с этим Парижем было что-то не так. Ещё десять минут назад Алиса бы этого не заметила. Теперь она замечала всё.

Мимо прошла женщина. Она шла быстро, уверенно, в тёмном плаще, в узкой шляпке, вокруг которой вилась бирюзовая вуаль, и — в перчатках. В перчатках, на улице, в дождь. Алиса посмотрела на свои руки. На руках были её обычные руки. Никаких перчаток. И ногти не покрашены.

Так, сказала Алиса.

Что? — спросила Соня.

Мы голые.

Что?

Мы голые. По меркам этой улицы. Мы в джинсах, здесь никто в джинсах не ходит, здесь у каждой женщины силуэт, у каждой женщины форма, а у нас — джинсы. Понимаешь? Мы просто не в форме.

Соня посмотрела вниз. На свои джинсы. Потом подняла глаза.

Да, сказала она. У нас проблемы. Большие.

Мальчишки проблемы не увидели.

Лёха сунул руки в карманы и огляделся деловито, как будто ему тут всё давно знакомо и он тут не в первый раз. Егор оглядывался так, будто пытался узнать место, а не увидеть новое. У него в руке была книга — он всегда носил с собой книгу и почти всегда её не читал, — и он открыл её, полистал, закрыл, и по лицу его было видно, что тут, в этом Париже, книгу читать не хочется совсем, а хочется смотреть, и это с ним случалось редко.

Тут ничего нет, сказал он.

Что нет? — спросил Макс.

Ничего. Мы тут не помечены. Это просто Париж. Какой-то Париж. Я думал, будет тот.

Какой тот? — спросила Алиса.

Тот, где мода. Где на каждом углу показ. Где все модели идут по улице, и все ими любуются.

Это не тот, сказала Алиса, глядя вперёд, на продолжение улицы. Это просто Париж. Тут где-то за углом, я думаю, тот. А пока тут — булочная, лавочка, голуби и один очень недовольный кот. И ни одного показа.

Макс вытащил блокнот. Он писал всегда. Не из-за заданий и не из-за привычки, а просто так жил. Он писал всё, что успевал увидеть, коротко, в полстрочки, без порывов и без красот. Он написал: «Не тот Париж». Почертил под этим черту. И написал ниже: «Но тот».

Алиса прочитала. Она посмотрела на Макса. Он посмотрел на неё и закрыл блокнот. Закрыл так, как закрывают, когда написали уже всё, что надо, и знают, что больше не откроют.

Кот подал голос. Голос не был голосом. Он был как-то в воздухе, там, где сумка. Тихо. Сварливо. Себе.

Дождь. Камень. Не тот берег.

Все обернулись на сумку. Сумка молчала. Из сумки торчал один серый ух, и ух этот был очень недоволен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.